

Глава 14: Жесткий рот и мягкие губы

—

Сяо Шань мог отклонить приглашение Сяо Цзиня.

Но Сяо Шань не мог отказать Сяо Цзиню, который был отравлен и крайне слаб. Поэтому, не дождавшись, пока Чан Ань закончит свою жалостливую речь, он встал и с бесстрастным лицом произнёс одно слово: «Идём».

Перед уходом Сяо Шань переоделся. Он оставил Цзи Аня, чтобы тот приготовил еды для Се Чжужуя, когда тот проснётся. Ждать его возвращения не было никакой необходимости.

Се Чжужую нужно было восстановить силы.

Цзи Ань, хоть и очень хотел пойти с Сяо Шанем во дворец, но, увидев выражение лица Сяо Шаня, был вынужден остаться.

Сяо Шань не очень-то хотел идти во дворец, даже если его пригласил Сяо Цзинь. В последнее время он вообще не хотел появляться во дворце, но и не хотел, чтобы Сяо Цзинь, несмотря на своё слабое здоровье, приезжал в поместье князя Ли.

Ведь это наложница Лань и он сам были под подозрением, и было бы странно, если бы жертва бегала туда-сюда. Он не мог поступить так официально, тем более, что Сяо Цзинь был его вторым братом.

Ради этих двух слов, «второй брат», он должен был пойти во дворец.

Однако, когда он прибыл в Восточный дворец и увидел Сяо Цзиня, который уже мог встать, настроение Сяо Шаня вдруг улучшилось, а мрачность на его лице сменилась радостью.

Он быстро подошёл к Сяо Цзиню, оглядел его с головы до ног и позвал: «Второй брат».

Тело Сяо Цзиня, очевидно, все еще было немного ослаблено, но его состояние значительно улучшилось, и так, по всей видимости, он быстро поправится.

Сяо Цзинь хмыкнул и сказал: «Ещё помнишь, как звать второго брата, а когда второй брат был отравлен, ты даже не пришёл взглянуть».

Сяо Шань взглянул на него и вздохнул: «Я же боялся, что ты, второй брат, увидишь меня и расстроишься».

Сяо Цзинь искоса взглянул на него, его выражение вдруг стало острым. Он холодно усмехнулся и с явным недовольством сказал: «Что, по-твоему, Сяо Шань, я, Сяо Цзинь, такой человек, который в беде подозревает своего брата, не разбираясь в чём дело?»

«Я не это имел в виду,» — поспешно объяснил Сяо Шань: «Я хотел сказать, что сейчас мать-наложница под подозрением — это факт, и многие подозревают и остерегаются меня и мать-наложницу. Среди них, конечно, есть и люди из Восточного дворца, это естественно. Если бы я сейчас пришёл к тебе, эти люди снова начали бы сплетничать перед тобой, заставляя тебя остерегаться. Ты не можешь злиться на них, услышав эти слова, разве это не расстроило бы тебя?»

Сяо Цзинь продолжал холодно усмехаться: «Значит, вот как. Я должен быть тебе благодарен за то, что ты так обо мне беспокоишься?»

Сяо Шань сказал: «Благодарность не нужна, ведь мы хорошие братья. Для меня естественно проявлять заботу о тебе, второй брат, стоя на твоей стороне».

В этот момент, если бы у Сяо Цзиня хватило сил, он бы подошел и пнул его.

У Сяо Цзиня не было сил, поэтому он мог только бросить свирепый взгляд на улыбающегося Сяо Шаня.

Сяо Шань хихикнул в ответ, Сяо Цзинь беспомощно покачал головой.

Когда Сяо Цзинь успокоился, Сяо Шань сел, и Сяо Цзинь последовал его примеру. Они сидели очень близко, разделенные лишь маленьким столиком.

Сяо Цзинь сказал: «Я смог встать сегодня благодаря наложнице Лань. Если бы она не действовала так решительно в тот день, мне не удалось бы выплюнуть пять-шесть частей пирожного. В этом случае яд проник бы мне в сердце, и тебе, наверное, пришлось бы долго ждать, прежде чем увидеть меня».

Сяо Шань сжал губы.

Сяо Цзинь продолжил: «Ты и я выросли вместе, разве я не знаю твоего характера? Я знаю, что в этом мире каждый может бороться со мной за титул наследного принца, но ты — нет. Я верю тебе, и ты тоже должен верить мне. Не стоит заикливаться на мелочах и упрямиться. Я не мог изменить твоё бракосочетание с Се Чжужем, но я никогда не думал...»

«Второй брат, моя женитьба на Се Чжуже очень хороша, ничего не нужно менять», — Сяо Шань, глядя на Сяо Цзиня, который мягко наставлял его, поспешно сказал: «Он очень приятный человек».

Сяо Цзинь ничего не сказал, его отношение было неопределённым.

Сяо Шань не хотел продолжать эту тему, он сказал: «Второй брат, я не боюсь заговоров, направленных против меня. Заговоры всегда раскрываются. Я просто не хочу, чтобы между нами из-за этого возникали неприятности».

«Я всё ещё не знаю, о чём ты думаешь», — сердито сказал Сяо Цзинь: «Если бы я не пригласил тебя во дворец, ты бы так и продолжал заикливаться на этих вещах в поместье? Есть ли что-то между нами, чего нельзя сказать прямо?»

Сяо Шань, подняв бровь, улыбнулся и с видом полной уверенности сказал: «Второй брат, ты слишком много думаешь, зачем мне на этом заикливаться? Если это заговор, я его разоблачу, если это открытая игра, я её разыграю. Правда всегда будет открыта миру. Мне нет нужды бороться с этими вещами».

Сяо Цзинь закатил глаза, сказав два слова: «Жёсткий рот».

Сяо Шань притворился, что не слышал, и не ответил.

В этот момент пришла Лю Цзиньи, услышав новости.

Сяо Шань поспешно встал и позвал: «Вторая невестка».

Лицо Лю Цзиньи все еще выглядело не очень хорошо. Она кивнула Сяо Шаню, затем посмотрела на Сяо Цзиня, полная беспокойства, и в ее голосе прозвучало еле слышное недовольство: «Ваше Высочество, ваше тело еще не полностью восстановилось, императорский лекарь Су сказал вам больше отдыхать, почему вы не слушаете? Сегодня и третий брат здесь, спросите у третьего брата, разве вы не должны ставить свое здоровье на первое место?»

Сяо Цзинь взглянул на Лю Цзиньи и мягко сказал: «Не так уж и преувеличено, разве я не знаю о состоянии своего тела? Ты просто слишком много беспокоишься».

Сяо Шань же твёрдо стоял на стороне Лю Цзиньи: «Второй брат, вторая невестка права, твоя первостепенная задача сейчас — это восстановить здоровье. Слова императорского лекаря Су тебе следует слушать внимательнее».

Лю Цзиньи: «Видишь, даже третий брат так говорит».

На лице Сяо Цзиня появилось выражение беспомощности. Сяо Шань воспользовался случаем и сказал: «Второй брат, хорошо отдохни. Когда твоё тело полностью восстановится, я снова приду навестить тебя».

Сяо Цзинь закатил на него глаза. Это движение и поведение совершенно не соответствовали его мягкому и элегантному лицу. «Иди, иди уже, я вижу, ты уже нетерпелив».

Сяо Шань, следуя его словам, улизнул.

После того, как Сяо Шань ушел, Сяо Цзинь медленно избавился от этого выражения и спокойно посмотрел на Лю Цзиньни, стоявшую рядом.

Лю Цзиньни опустила глаза, когда он на неё посмотрел, и тихо сказала: «Ваше Высочество на меня сердится?»

Сяо Цзинь не произнес ни слова. То, как Лю Цзиньни только что появилась, то говорила о необходимости отдыха, то о том, что тело еще не восстановилось, явно намекая, чтобы он ушел. Сяо Шань не был дураком, услышав это, он, конечно, ушел как можно скорее, чтобы не вызывать неприязни.

Это Сяо Цзинь пригласил его, а потом его же супруга прогнала. Что он мог сказать, ему нечего было сказать.

Лю Цзиньни же невольно погладила свой живот, её глаза покраснели: «Ваше Высочество, вы можете сказать, что я злюсь или что я не знаю общей картины. Это ребенок, которого мы с Вашим Высочеством ждали долгое время, но из-за наложницы Лань этот ребенок был почти потерян. Ваше Высочество тоже знает, что у меня изначально не было предубеждений против князя Ли, но как только я вспоминаю о состоянии вашего здоровья и об этом несчастном ребёнке, мне становится невыносимо плохо. Я сейчас вообще не хочу слышать ничего о наложнице Лань и князе Ли».

Когда Лю Цзиньни говорила это, в её голосе звучали невыразимые тоска и обида. Затем она глубоко вздохнула и сказала: «И потом, дело не в том, что я хочу думать плохо, просто я считаю, что вы слишком доверяете князю Ли. Разве вы не боитесь ошибиться в человеке?»

Сяо Цзинь, глядя на неё, сказал: «В этом мире любой может ошибиться в человеке, но сейчас он не делал ничего подозрительного, так почему я должен сомневаться в нем? Если у него действительно есть скрытые мотивы, он покажет свое истинное лицо».

«В конце концов, в этом деле есть и моя вина. Если бы я не попросил матушку-императрицу, наложница Лань не приготовила бы пирожные... В общем, теперь мы можем только ждать результатов расследования отца-императора. Если это действительно связано с наложницей Лань, то не говоря уже о других, сама матушка-императрица не простит её. Если же нет, то пусть это дело больше не вспоминается».

Лю Цзиньни кивнула, она мягко сказала: «Я тоже в спешке не смогла сдержать эмоций, не специально так поступила».

Сяо Цзинь опустил глаза и промычал в ответ.

Известие о том, что Сяо Шань отправился во Восточный дворец, быстро достигло ушей Сяо Шэна.

Сяо Шэн хмыкнул: «Верно, наследный принц болен, остальные принцы сидят взаперти и размышляют, только он один свободен. Я в тот день забыл запереть и его».

Чан Лэ с улыбкой сказал: «Это просто потому, что наследный принц и князь Ли очень хорошо ладят, и между ними нет никаких разногласий».

Сяо Шэн взглянул на него: «Как можно скорее расследуй дело об отравлении наследного принца, чтобы не допустить волнений во дворце из-за этого».

Чан Лэ ответил.

Сяо Шэн подошел к карте, его выражение лица было задумчивым, затем он указал пальцем на Северную границу.

Тем временем Сяо Шань, выйдя из Восточного дворца, сразу же вернулся в поместье князя Ли.

Когда он вернулся, Цзи Ань сказал, что Се Чжуй еще не проснулся. Когда Сяо Шань вошел в комнату, Се Чжуй сидел на кровати, поглаживая лоб, с растерянным взглядом, словно не понимая, где он находится и какое сейчас время.

Было очевидно, что он только что проснулся.

Сяо Шань, глядя на него, хитро улыбнулся, подошёл и поцеловал его в губы, задержался на мгновение и отстранился.

Се Чжуй вздрогнул, его сознание вернулось, глаза широко раскрылись, в них читались шок и сомнение, словно он не понимал, почему Сяо Шань так поступил.

Сяо Шань улыбнулся: «Кто-то сказал, что у меня жесткий рот, но я думаю, что мои губы довольно мягкие. А ты как думаешь?»

Се Чжуй моргнул и успокоился. Он непроизвольно облизал губы и с честным лицом сказал: «Действительно, довольно мягкие».

Сяо Шань: «...»

Он почувствовал себя так, будто его дразнят.

Се Чжуй, глядя на явно ошеломленного Сяо Шаня, беззвучно улыбнулся. За эти несколько дней он уже понял характер Сяо Шаня: этот человек любил дразнить людей. Чтобы справиться с таким человеком, нужно было отвечать мягкостью на мягкость.

Се Чжуй, пока Сяо Шань не пришёл в себя, попытался встать. Он пошевелился и почувствовал, что после этого сна его поясница ещё больше болит. Но он не показал этого, а с невозмутимым видом оделся.

Сяо Шань, глядя на него, улыбнулся и подошёл, говоря: «Позволь мне заплести тебе волосы».

Се Чжуй: «Ваше Высочество умеет заплетать волосы?»

Сяо Шань с уверенностью сказал: «Нет, но если не умеешь, можно научиться».

Се Чжуй: «Я умею».

Сяо Шань с радостным видом: «Тогда я научусь у тебя... Нужно ли платить за обучение?»

Се Чжуй: «...»

—

Два дня спустя дело об отравлении наследного принца получило свой результат.

Яд действительно подложила не наложница Лань, но и без её участия дело не обошлось. Яд в пирожных подсыпала одна из поварих из маленькой кухни во дворце Цзинлань.

Она знала характер наложницы Лань, знала, что та любит использовать для пирожных, поэтому яд был подложен не в сами пирожные, а в ингредиенты. Она намеревалась отравить ребёнка в утробе Лю Цзинъи и не собиралась причинять вред Сяо Цзиню.

Ей никто не приказывал, главным образом, она ненавидела семью Лю Цзинъи, потому что семья Лю разорила её семью и лишила её всего. Она ждала случая отомстить. То, что наложница Лань готовила пирожные для Лю Цзинъи, было лучшим моментом, который она могла получить в своей жизни.

Поэтому, даже зная, что это верная смерть, она пошла на это.

Если говорить об этом, то это дело касалось некоторых давних событий, произошедших более

десяти лет назад, и никто не мог сказать, что было правдой, а что ложью.

Узнав, что отравителем была эта повариха, наложница Лань чуть не умерла от страха и слез – рядом с ней оказался такой злобный человек.

Повариха была заключена в тюрьму Министерства наказаний. Что касается того, были ли у неё сообщники, это уже зависело от методов Министерства наказаний.

После расследования дела император направил на северную границу указ, в котором приказал отличившимся офицерам и солдатам с северной границы вернуться в столицу, и Се Чэнь должен был сопровождать их.

Услышав эту новость, Се Чжуй из поместья князя Ли впервые потерял самообладание. Он поспешно обратился к Сяо Шаню, чтобы подтвердить: «Это правда?»

Сяо Шань: «Раз отец-император издал указ, значит, это, скорее всего, не ложь».

Се Чжуй, услышав это, внезапно облегченно вздохнул. В эти дни, хоть он и не говорил вслух, но очень беспокоился о Се Чэне.

Теперь, когда император призвал Се Чэня обратно в столицу, это означало, что император больше не будет преследовать семью Се.

Сяо Шань посмотрел на Се Чжуй и в душе вздохнул. Воины Северной границы возвращались в столицу, император будет награждать их за заслуги, а втайне сколько глаз будет следить за этими людьми.

Кто знает, возможно, это предвещает новую бурю.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282506>